

Максим Горький – «продюсер» и спаситель Богдановичей

В будущем году исполняется 150 лет со дня рождения Алексея Максимовича Горького. За свою многогранную и противоречивую жизнь великий писатель поддержал многих начинающих. Заметен его вклад и в российско-белорусские литературные связи. Этому немало поспособствовала и многолетняя дружба с Адамом Егоровичем Богдановичем, сын которого Максим справедливо считается в наши дни основоположником белорусской поэзии...

«Рукописи не горят» – истинность этого булгаковского афоризма задолго до создания «Мастера и Маргариты» подтвердилась в Ярославле 1918 года во время подавления красноармейцами контрреволюционного мятежа. Пожары, бушевавшие после артиллерийского обстрела города, не пощадил и дом, в котором жил занесенный прихотями судьбы на Волгу Адам Егорович Богданович – белорусский интеллигент, наделенный от природы множеством талантов, трудившийся более двух десятилетий, как говорили в старину, по банковской части.

Его ярославские товарищи по огненному несчастью выносили из своих жилищ утварь да вещи из тех, что поценнее. Фольклорист же, филолог, философ – а это лишь часть ипостасей Богдановича – тем временем торопился спасти хотя бы часть

библиотеки и умудрился вместе с младшим сыном Павлом укрыть в погребе от огня белорусский сундук-куфар, в котором хранилось то, что было для него драгоценнее собственных сочинений, – рукописи другого сына, Максима.

Потом он по листочку разбирал отсыревший архив, сберегая наследие молодого по возрасту, но уже мощно заявившего о себе поэта, считавшегося еще при жизни надеждой белорусской литературы. Ныне он безоговорочно признается классиком, хотя до безвременной кончины в мае 1917 года от туберкулеза успел выпустить один-единственный сборник стихов «Венок»...

В память о семье Богдановичей в Ярославле создан музей, одновременно ставший и центром белорусской культуры на Верхней Волге. Именно в Ярославле Максим Богданович создал большую часть того, что стало его поэтическим

наследием. Здесь он читал беженцам с исторической родины и раненым солдатам-белорусам свои стихи.

В доме, в котором сегодня разместился музей, семья Адама Егоровича жила около двух лет перед Первой мировой войной. В нем, как и более столетия назад, на стене висит чудом уцелевшая при пожаре копия фрагмента «Сикстинской Мадонны» Рафаэля, подаренная другу Максимом Горьким. Есть свидетельства, что будущий поэт любил подолгу смотреть на эту гелиогравюру, воспоминания о которой преломились в его цикл «Мадонны». Юный герой встречает крестьянскую девочку, утешающую доверенного ей родителями ребенка: «И в символ для меня слились живой, единый / С чертами матери – девичий образ дивный, / Тот образ девочки, и в этот миг она / Была, казалось мне, вся до краев полна /

Такой широкою, родимой красотою,
/ Что, помнится, на миг я просвет-
лел душою / Не красота была, быть
может, в бедной той / Смиренной
девочке, и хилой, и худой, / А что-
то высшее, что Рафаэль великий /
Стремился воплотить в бессмерт-
ном женском лике».

Можно долго гадать, когда имен-
но и где Максим увидел будничную
сценку, возведенную им до уровня
высокой поэзии: в Белоруссии или
на Волге, куда Адам Егорович после
кончины жены переехал с детьми
к новому месту службы. В запи-
сках отца поэта говорится, что он
в поездках по российской глубин-
ке постоянно брал детей с собой,
стремясь «ознакомить их с жизнью
деревни, уездных захолустий, и с
жизнью фабричных и заводских
центров, и с памятниками старины,
и с красивыми местами на Волге,
Вязьме, на Ветлуге, Пьяне».

Ясно одно, что впитывая новые
впечатления, знакомясь с пейза-
жами и обычаями, отец и сын по-
разному (все же Максим после отъ-
езда из Гродно был слишком мал
для воспоминаний), но хранили лю-
бовь к родине. Она и позволила им
не только сохранить самобытность и
верность земле предков, но и как бы
перебросить духовный мост между
русской и белорусской культурами,
между Неманом и Поволжьем...

Жизнь людей непредсказуема, и
трудно сказать, как могли сложить-
ся судьбы отца и сына после их по-
явления в Нижнем Новгороде, если
бы обстоятельства не свели старше-
го Богдановича с никому за преде-
лами торговой столицы России не
известным еще Алексеем Максимови-
чем Пешковым. Он уже обзавелся
знаменитым впоследствии псев-
донимом Максим Горький, но пока
что был более известен землякам
загадочной и звучной подписью под
газетными публикациями Иегудиил
Хламида...

Письма Горького к Богдановичу
раннего периода знакомства не со-
хранились, сгорели во время того
самого пожара 1918 года. Но Адам
Егорович оставил воспоминания о
друге, отталкиваясь от которых со-
временный белорусский писатель

Отец поэта Адам Егорович Богдано-
вич был известным белорусским этно-
графом, фольклористом и историком
культуры

Леонид Зуборев так реконструиро-
вал встречу Горького с Адамом Бог-
дановичем:

«В Нижний Богданович привез
рекомендательное письмо от писа-
теля Е. Чирикова к Максиму Горь-
кому... Богданович зашел в редак-
цию «Нижегородского листка» за
адресом малоизвестного писателя,
а затем направился к Горькому...
Показался Алексей Максимович,
высокий, бледный, с пытливыми
светлыми глазами, с широкой, но
впалой грудью, слегка сутуловатый.
Одет длинноволосый хозяин был
в светлую косоворотку, стянутую

Классик белорусской литературы,
поэт Максим Богданович

узким ремешком. Богданович пред-
ставился и передал письмо. Писа-
тель вскрыл его и, улыбаясь, про-
читал: «От Сладкого к Горькому»...
«Вы белорус? – поинтересовался
Горький. – Ну вот... Вот это хорошо.
Здорово принадлежать маленькому
народу вроде вас, белорусов... Мож-
но все изучить – и природу страны,
и жизнь, и прошлое, и настоящее...
Тогда легче писать...»

Затем, продолжая разговор, они
перешли в соседнюю комнату, ко-
торая служила спальней и рабо-
чим кабинетом. Рядом – большая
этажерка, заполненная книгами.
Оказалось, что все их Горький про-
читал. Насчет каждого писателя у
него было собственное суждение.
Это заинтересовало гостя, и он по-
просил дать что-нибудь почитать из
горьковских писаний. Горький про-
тянул гостю «Песню о Соколе». Там
же за столом Богданович прочитал
ее, и его поразила идея: «Безумство
храбрых поем мы славу! Безумство
храбрых – вот мудрость жизни!»

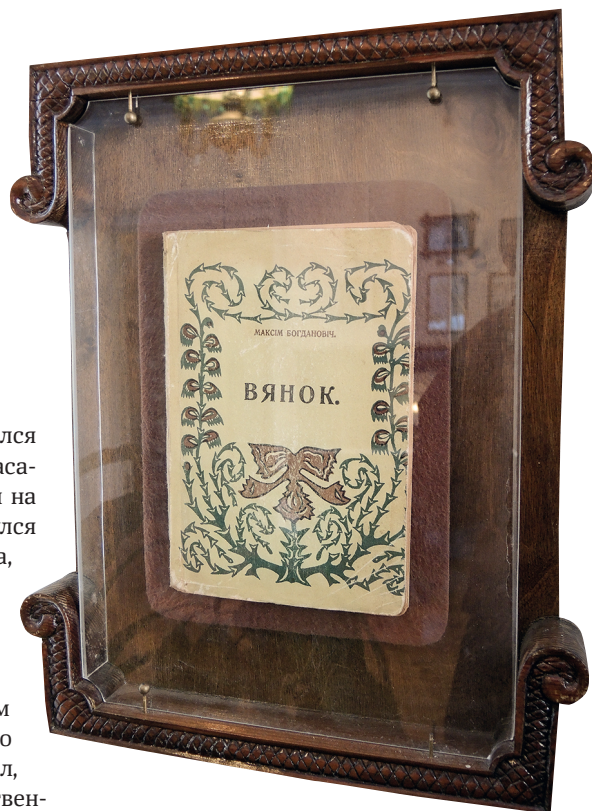
Встречались они часто, и обыч-
но по вечерам, поскольку Горький
любил работать ночью. Очевидно,
беседы с Богдановичем давали ему
и некий заряд энергии для полуноч-
ных бдений. Есть версия, что иные
из рассказов Адама Егоровича ото-
звались в горьковской прозе.

Завязавшаяся дружба неожидан-
но обернулась и семейным сближе-
нием. Симпатия, возникшая между
Богдановичем и сестрой жены
Алексея Максимовича Александрой,
вскоре привела их к венцу, а потом
и к крещению первенца Алексан-
дра. Однако обретенному в Нижнем
Новгороде счастью не суждено бы-
ло продлиться долго. Александра
Павловна умерла от внезапной бо-
лезни. Вскоре смерть унесла и ма-
ленького Сашу.

На все более и более набравшей
силу дружбе Горького с Богданови-
чем беды не сказались. Виделись они
по-прежнему часто, вместе читали
литературные новинки, вместе их
обсуждали. Не обошлось, правда, без
ссоры, поводом которой стала чехов-
ская «Дама с собачкой». Вкусы у них
в данном случае очень уж разошлись.
Зато Богданович, прямо отстаивав-

Экспонаты ярославского дома-музея: копия «Сикстинской Мадонны» Рафаэля, подаренная Максимом Горьким, и сборник стихов Максима Богдановича «Вянок» (на белорусском языке)

► ший свое мнение, таким образом угодил в чеховско-горьковскую переписку. Строки из письма Алексея Максимовича Антону Павловичу весьма красноречивы. Горький увидел в рассказе о тривиальном на первый взгляд курортном романе «огромное дело», которым Чехов, по его разумению, возбуждал в людях «отвращение к этой сонной полумертвой жизни». По этому поводу он «вдребезги разругался» с женой и «с мужем ее сестры... закадычным приятелем».

Между тем приближался потрясший Россию 1905 год, сказавшийся и на семье Богдановичей. Адам Егорович хотя и не примыкал ни к од-

ной из партий, отнюдь не чурался общественной жизни. А что касается Максима, то он, несмотря на юные годы, изо всех сил окупался в политику. Гимназия бурлила, но младшеклассников их старшие коллеги по учебе на свои сборища не допускали. И вот, как писал в двадцатые годы Богданович-старший, «Максим явился на сходку делегатом 4-го класса и, взбравшись на стол, горячо доказывал и искусственность деления на полноправных и неполноправных, и несправедливость его по отношению к ним, четвероклассникам. Но, увы, был бесцеремонно стащен со стола и вытолкнут за дверь».

Этот трагикомичный эпизод соседствовал с делами посерьезнее. Один из товарищей-одноклассников маленького борца за права учащихся был не без оснований заподозрен в участии в подрыве деревянной

лестницы в здании гимназии. Юный террорист Дима Крылов в конце концов угодил на четыре месяца под арест, а Максим, пытавшийся выручить приятеля и постаравшийся убрать из квартиры подозреваемого все доказательства его вины, попал в немилость у гимназического начальства и остался на второй год.

Тем временем начались неприятности и у отца, не желавшего подыгрывать нижегородским властью имущим в их земельных махинациях. Адама Егоровича перевели в Ярославль. Здесь Максим остыл к политике, зато пережил всплеск увлечения белорусской культурой, приведший к тому, что он оставил свои многообещающие опыты в русской поэзии и уверенно ступил на тропу, обеспечившую ему почетное место в современном пантеоне белорусских классиков.

События 1905 года при всех сопутствовавших им ужасах оказались в этом отношении плодот-

Ярославль. Семейный портрет в интерьере. В верхнем ряду – Максим Горький и Адам Богданович (второй и третий слева), сидят Екатерина Пешкова (в белом платье с сыном Максимом), рядом ее сестра Александра Волжина – жена Адама Богдановича

ворны не только для Богдановича-младшего. Они заметно сказались и на интересе Максима Горького к творчеству белорусских собратьев по перу.

«События тех лет стимулировали свободную мысль, дали толчок к неудержимому росту национальной культуры, – считает заместитель директора Института мировой литературы имени А.М. Горького, доктор филологических наук **Дарья Московская**. – Это время подарило нашим народам таких выдающихся писателей, как Максим Богданович, Якуб Колас, Янка Купала, и многих других. Их творчество открыло Алексею Толстому, Максиму Горькому, Льву Толстому сокровища белорусского фольклора, сюжеты из жизни белорусов. Под непосредственным влиянием «буревестника революции» Янка Купала писал свои «Душой я вольны чалавек», «І песня, і сокол, і я». Горьковские сказки способствовали переосмыслению белорусами собственного фольклора. Сказки Якуба Коласа и его поэмы отражают эти рожденные знакомством с горьковскими сказками тенденции.

Горьковский гуманизм, любовь к человеку, вера в его возможности бодрили, оздоравливали литературу. Горьковские экспрессивные, буйные пейзажи вы узнаете в образах Волги, созданных Максимом Богдановичем. Но главное – личное общение. Так в июне 1910 года Горький через учителей-экскурсантов на Капри услышал о Якубе Коласе и Янке Купале. Когда Горькому рассказали о них, то он загорелся мыслью с ними познакомиться. Уже в 1910 году Горький становится подписчиком «Нашей Нивы», выписывает всю литературу, вышедшую на белорусском языке... Он стал своего рода моральной опорой для молодой белорусской литературы.

По мысли исследователя, Горький «действовал в свойственной ему манере опытного и любящего своих подопечных «продюсера». «Ласково, грустно, искренне», – отзывался Алексей Максимович о стихах Коласа и Купалы. И добавлял: «Нашим

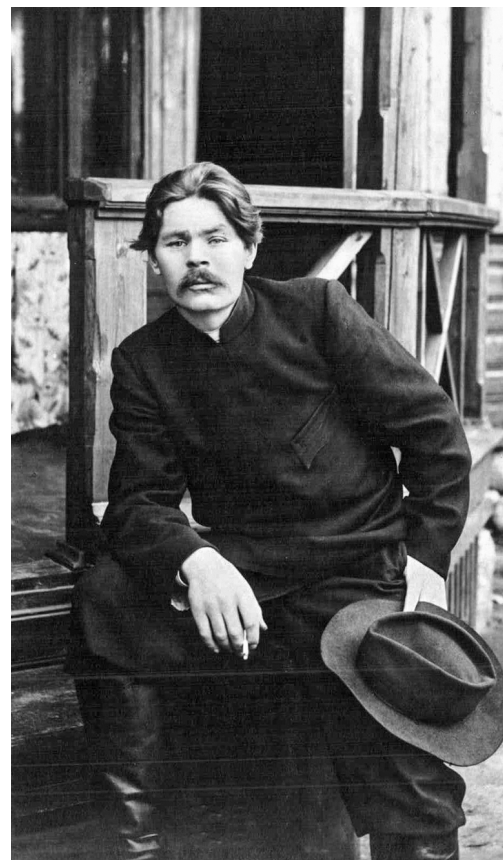
бы немного сих качеств!.. Вот бы хорошо-то было!»

Юного Максима Богдановича подтолкнула к белорусской поэзии Первая Русская революция. Вторую – Февральскую – он пережил всего лишь на три месяца. Чахотка унесла его в вечность в конце мая 1917-го. Адам Егорович прожил еще 23 года, оставив заметный след в культурной жизни Ярославля, который был для него второй родиной. Контакты с Максимом Горьким не прерывал почти до самой смерти писателя.

Так, Горький высоко оценил лингво-топонимически-философский труд Богдановича «Язык земли», хотя помочь с его изданием в трагические годы не смог. Книжка, автор которой услышал в названиях рек России отголоски языка людей доисторической эры, увидела свет в Ярославле лишь через полвека после смерти автора.

А вот жизнь Богдановичу-старшему Горький и Екатерина Павловна Пешкова без преувеличения спасли. В начале 30-х годов уважаемый всем Ярославлем старый интеллигент едва не угодил в ГПУ. Не обошлось, как водилось тогда, без доноса, да биография мнилась ярославским чекистам слишком подозрительной – до революции служил в заметном банке, один из сыновей – царский офицер...

О дальнейшем красноречиво повествуют документы, хранящиеся в архиве ИМЛИ. Выручила Богдановича сестра его покойной второй жены, которая теперь возглавляла Политический Красный Крест. Помог и Горький. Выйдя на свободу, Адам Егорович писал нижегородскому другу: «Дорогой Алексей Максимович! Вам, вероятно, известно, что я в числе других мучеников был арестован и привлечен к следствию местным отделом ГПУ. Вы меня хорошо знаете, что я вообще не склонен ко лжи и изворотам, а тем более с Вами... Я не выношу игры в молчанку, и в последнее время, когда все благоразумно молчали, я говорил. Что говорил? Всегда дельное, всегда справедливое... Но недомыслие,

Максим Горький в Ярославле

но головотяпство называл своими именами...»

Горький в ответ развеивает сомнения в том, что поверил наветам: «Совершенно нелепая мысль пришла в голову Вам, старый друг Адам Егорович. Могу ли я, зная Вас 30 лет, вообразить, что Вы способны на какую-то контрреволюцию... Спокойствие, с которым Вы отнеслись к тяжелому недоразумению, тоже не что иное, как признак Вашей организованности и целеустремленности. Нет, уж Вы меня не подозревайте в глупости, непоследовательности для меня...»

После этого обмена письмами они еще раз встретились в Москве: Богданович гостил в выделенном Горькому особняке у Никитских ворот, до революции принадлежавшем фабриканту Рябушинскому. Адам Егорович приезжал и на похороны сына Горького – тезки своего Максима. Но лично выразить скорбь ему в суе официальных похорон не удалось... **РФС**

Олег Дзюба

Фотографии предоставлены из фондов музея Максима Богдановича, г. Ярославль